ГЛАВА СЕДЬМАЯ,

повествующая о том, как Великий Мудрец бежал из волшебной печи, и как горой Усиншань была придавлена бунтующая обезьяна

Богатство и славу,

И происхождение

Судьба назначает

Еще до рожденья.

Подобный порядок

Извечно ведется,

И люди не могут

С законом бороться.

Так честность в той жизни

Даст в нынешней славу,

Заслужит возмездья

Поступок лукавый.

Хоть ты и не терпишь

Сейчас наказания,

Тебя не избавит

Его опозданье.

И праведна кара

И неотвратима.

За что обезьяна Судьбою гонима?

За то, что в безумном

Своем самомненье,

Она безрассудна

В делах и стремленье.

И мира порядок

Она нарушала,

И старших не чтит,

Как чтут изначала.

И вот небесные воины подвели Великого Мудреца, равного небу, к эшафоту и привязали его к столбу. Они принялись рубить его мечами, рассекать топорами, колоть пиками и разрубать саблями. Однако Великий Мудрец остался цел и невредим.

Тогда Дух звезды Южного полюса приказал Духу Огненной звезды напустить на него огонь. Однако и огонь не сжег Мудреца. Наконец духам Грома было приказано сразить Мудреца громом и молнией. Но все их старания оказались напрасными. Мудрец по-прежнему оставался невредим, ни один волос его не пострадал. Тогда Князь демонов Махабали, а за ним все остальные обратились к Нефритовому императору.

— Ваше величество,— молвили они.— Мы совершенно не понимаем, откуда удалось этому Мудрецу узнать подобные способы самозащиты. Ни меч, ни топор, ни гром, ни молния, ни огонь не берут его. Что же с ним делать?

— Да, он просто неуязвим и трудно даже сказать, как поступить с ним,— выслушав их, растерянно ответил Нефритовый император.

Но тут вперед выступил Лао-цзюнь и сказал:

— Эта обезьяна съела персики бессмертия, выпила небесное вино, а затем украла еще у меня пять бутылей эликсира бессмертия. Правда, не весь он был готов. Все это находится теперь у нее в желудке и при помощи огня Самади расплавилось и превратилось в одно целое. Благодаря этому тело ее стало твердым, словно алмаз, и сейчас она неуязвима. Давайте отведем обезьяну ко мне, я помещу ее в волшебную печь, где алхимический огонь выплавит из нее эликсир бессмертия, тогда тело ее превратится в пепел.

Выслушав Лао-цзюня, Нефритовый император приказал воинам передать ему Мудреца. Приказание его было выполнено, и Лао-цзюнь отправился выполнять распоряжение императора. После этого Эрлана занесли в списки бессмертных и наградили сотней золотых цветов, сотней кувшинов небесного вина, сотней шариков эликсира бессмертия, а также несметным количеством драгоценных камней, жемчуга, шелка, парчи, которые он должен был разделить между братьями. Поблагодарив императора за оказанные милости, Эрлан отправился к реке Гуаньцзян, однако говорить об этом мы не будем.

Между тем Лао-цзюнь вернулся во дворец Тушита, освободил Великого Мудреца от веревок, вытащил клинок, который был воткнут в ключицу Мудреца, и втолкнул пленника в волшебную печь. Затем он приказал прислуживавшим у печи работникам и поддерживавшим огонь подросткам раздуть сильное пламя и приступить к расплавлению.

Надо вам сказать, что очаг этот был разделен на восемь частей, каждая из которых представляла одну из восьми триграмм: цянь, кань, гзнь, чжэнь, сюнь, ли, кунь, дуй — соответственно означающих: небо, воды, горы, гром, ветер, сияние, земля, разлив. И вот из всех сил пытавшегося освободиться, извивающегося Мудреца втолкнул и в часть очага именуемую «сюнь» — ветер. От ветра огонь тотчас погас, но зато повалил такой дым, что глаза у Мудреца стали красными от боли. Эта болезнь осталась у него навсегда, вот почему его и стали впоследствии называть «Огненные глаза».

Время быстро летело, прошло уже семь раз по семь дней, и вот наступил наконец сорок девятый день, в который должен был завершиться процесс алхимии. Когда Лао-цзюнь подошел к волшебной печи, чтобы достать из нее эликсир жизни, Великий Мудрец так сильно тер глаза, что из них даже потекли слезы. Услышав, что с очага сняли крышку, он широко раскрыл глаза. Но свет причинил ему сильную боль. Не в силах вынести ее, он выпрямился и тотчас же с шумом выпрыгнул из печи. На ходу он перевернул волшебную печь и бросился бежать. Находившаяся у печи охрана — служители и истопники — пустилась было за ним вдогонку, но он всех разбросал. В этот момент он походил на дракона, белолобого тигра или же взбесившегося единорога. Лао-цзюнь бросился вперед и хотел сам схватить его, но Великий Мудрец так швырнул его, что тот полетел вверх тормашками и бежал, спасая свою жизнь.

Тогда Сунь У-кун вынул из-за уха свой посох желаний и помахал им по ветру. Посох тотчас же стал толщиной в чашку и увеличился во много раз. Тут Сунь У-кун схватил его и стал громить в небесных чертогах все, что попадалось ему под руку. Он производил разрушения с такой яростью, что Духи девяти светил поспешили закрыть свои двери, а четыре небесных военачальника бесследно исчезли.

Громадной силе, которую на сей раз проявила прекрасная обезьяна, посвящены даже стихи, которые гласят:

Строенье тела обезьяны

Закон небес определил.

Пройдя сквозь тысячи мучений,

Мудрец все тот же, что и был.

Он все такой, каким природа

Его когда-то создала,

И ни в одной печи горячей

Не мог бы он сгореть дотла.

Не ртуть, не медь здесь расплавляли
Сжигали с грозным торжеством
Того, кто был рожден священным,
Был настоящим божеством.

И, проходя все превращенья,
Он жизни длил круговорот,
Трех драгоценностей буддизма
Еще не принимал в расчет.

Есть другие стихи, которые гласят:

До краев проник вселенной
Самый малый луч священный;
Так и посох чудотворный:
Он, хозяину покорный,
Был прямым и поперечным,
Был коротким, бесконечным,
Был способен к расширенью
И к такому ж сокращенью.

И далее:

Был в этом теле обезьяньем
Дух человеческий заключен,
А если этот дух разумен,
То, значит, мыслить может он.

Мудрец Великий, равный небу,
Наименован так не зря,
Не зря назначен бимавэнем —

Великим конюшим царя.

Бег мысли в нем не прекращался —

Таков коня упорный бег,

А в сердце вечную тревогу

Нес обезьяно-человек.

Но эти мысли и стремленья

Связаться накрепко должны,

И власти одного закона

Все существа подчинены.

Царь обезьян уничтожал всех без разбора. Он наносил удары во все стороны, и никто не осмелился бы остановить его. Однако, когда он уже пробился в Зал космического света и очутился перед Залом священного небосвода, тут, к счастью, оказался помощник начальника охраны Ван Лин-гуань, который как раз ведал этим залом. Увидев Великого Мудреца, Ван Лин-гуань, подняв металлическую плетку, преградил ему дорогу.

— Ты куда лезешь, проклятая обезьяна! — закричал он.— Разве не видишь, кто перед тобой? Оставь свои сумасбродные выходки!

Однако Великий Мудрец не пожелал даже разговаривать с Ван Лин-гуанем и бросился на него со своим посохом. Но Ван Лин-гуань тоже взмахнул хлыстом и ринулся навстречу противнику. И вот перед Залом священного небосвода между ними завязалась ожесточенная борьба.

Верностью, храбростью, славой

Ван Лин-гуань был велик;

Царь обезьян святотатством

Лишь поношенья достиг.

Два храбреца и героя

Силой равняться могли,

Встретились в схватке жестокой

Дети небес и земли.

Посох был страшен; сверкала

Молниевидная плеть;
Ван Лин-гуань обезьяны
Больше не мог потерпеть.
Был он Тай-и — громовержцем,
Славой он был осиян,
Враг же его назывался
Славным Царем обезьян.

Посох и плеть золотая
Были оружием святым,
Силу они проявляли,
Втайне присущую им.

Бой завязался у входа
В дышащий святостью зал;
Каждый из этих героев
Только любовь вызывал.

Не было личной корысти
В пламенном гневе сердец,
Только мятежник стремился
Взять многозвездный дворец.

Вышел другой на защиту
Светлых владений небес.
Было еще неизвестно,
Чей в этот день перевес.

Посох и плеть золотые
Так и взлетали в бою;
Страха не знали герои,

Честь защищая свою.

Долго боролись они, но одолеть друг друга не могли. Тогда начальник охраны послал своего помощника во Дворец грома и призвал тридцать шесть полководцев. Они плотным кольцом окружили Великого Мудреца. У каждого в руках было грозное оружие. Однако и это нисколько не испугало мятежника. Вращая в воздухе свой посох, он, как ни в чем не бывало, отражал сыпавшиеся на него со всех сторон удары. Кольцо из мечей, копей, пик, хлыстов, топоров, крючьев, серпов, бунчуков и другого оружия сжималось все теснее и теснее. Наконец Великий Мудрец встряхнулся и тут же превратился в чудовище с тремя головами и шестью руками. Затем он взмахнул несколько раз посохом, и из одного посоха стало три. Взяв каждый посох двумя руками, он стал вращать ими так быстро, что, казалось, вертится колесо прядки. Ни один из полководцев Грома не смел даже приблизиться к нему. Поистине это было так:

Посох, в воздухе вращаясь,

Создавал круги блистанья.

Мир извечно существует,

Но откуда эти знания?

Мудреца вода и пламя

Погубить бы не сумели,

И мечи и алебарды

Повредить ему не смели.

Мог быть злым, а мог быть добрым,

Доброе творить и злое.

Человек, творящий благо,

Входит Буддой в мир покоя.

Как чудовище с рогами,

Будет зло творящий — гадок.

Обезьяний царь устроил

В самом небе беспорядок.

Проходил он превращенья,

И являлся по-другому,

Отступал пред ним бессильно

Даже Бог великий грома.

Итак, полководцы Грома, окружив Великого Мудреца, все же не могли приблизиться к нему. Наконец весь этот шум достиг ушей Нефритового императора и встревожил его. Он тут же приказал послать двух чиновников в страну Запада и просить там Будду усмирить мятежника. Получив распоряжение, посланцы тотчас же очутились перед обителищем Будды — храмом Раскатов грома. Они поклонились божествам-хранителям и восьми бодисатвам, а затем стали просить их как можно скорее доложить об их прибытии. И вот все небожители предстали перед тронном Будды. Услыхав о прибытии посланцев, Будда велел привести их к нему. Посланцы совершили по три поклона и встали перед тронном.

— Что случилось? Почему Нефритовый император потревожил вас и послал сюда?— спросил их Будда.

Посланцы рассказали, что в один прекрасный день на Горе цветов и плодов родилась обезьяна. Каким-то образом ей удалось собрать вокруг себя других обезьян, и она стала чинить в мире беспорядки. Тогда Нефритовый император призвал обезьяну к себе и, чтобы умиротворить ее, назначил на должность бимавэня. Однако должность эта показалась обезьяне унижительной, и она вернулась на землю. Для поимки ее были посланы Князь неба Вайсравана с сыном — принцем Ночжа, но схватить обезьяну не удалось. Тогда решили обойтись с ней мирным путем и присвоили ей титул Великого Мудреца, равного небу. Вначале у него был только этот титул, но через некоторое время Мудреца назначили ведать Персиковым садом. И вот тут-то он украл персики, а затем отправился во Дворец нефритовой заводи, где тайком поел приготовленные для пира яства, выпил вино,— в общем, расстроил намеченный банкет. Опьянев, он отправился во дворец Тушита, выкрал там изготовленный Лао-цзюнем эликсир бессмертия и после этого покинул небесные чертоги. Тогда Нефритовый император отправил стотысячное небесное войско, чтобы схватить мятежника, но и это не удалось. Тут бодисатва Гуаньинь призвала Эрлана, который вместе со своими братьями вступил с мятежником в смертельный бой. Но мятежник при помощи волшебства много раз изменял свой вид. И лишь благодаря Лао-цзюню, который набросил свой золотой браслет на смутьяна, Эрлану удалось его захватить и доставить Нефритовому императору. Император повелел немедленно казнить мятежника. Обезьяну кололи мечами, рубили топорами, жгли в огне, поражали громом, но все это не причинило ей ни малейшего вреда. Тогда Лао-цзюнь предложил расплавить мятежника в своей печи. Но когда через сорок девять дней волшебную печь открыли, смутьян выскочил, расшвырял небесных воинов и проник в Зал космического света. Но перед Залом священного небосвода помощник начальника охраны Ван Лин-гуань задержал его. Тут между ними начался ожесточенный бой. Через некоторое время были вызваны еще тридцать шесть божеств Грома, они плотным кольцом окружили смутьяна, однако приблизиться к нему никак не могли. Положение создалось угрожающее. Поэтому Нефритовый император и решил обратиться к вам с просьбой о помощи. Выслушав их, Будда обратился к окружавшим его бодисатвам с такими словами:

— Вы оставайтесь здесь, в храме, и не нарушайте установленных молений. А я, как только усмирю это чудовище, сейчас же вернусь.

Затем Будда подозвал своих учеников Ананда и Касьяпу и велел им сопровождать его. Покинув свое обиталище, все трое сразу же очутились перед Залом священного небосвода. Здесь среди невообразимого шума и грохота тридцать шесть божеств Грома старались окружить Великого Мудреца. Будда тут же приказал божествам Грома прекратить сражение и покинуть поле боя, а Великому Мудрецу велел приблизиться, чтобы узнать, какими волшебными силами тот обладает. Когда божества Грома удалились, Великий Мудрец принял свой обычный вид и, выступив вперед, надменно крикнул:

— Ты что за птица такая, что смеешь мешать нашему бою и учинять мне допрос?!

— Я Сакья-муни из рая Западного мира,— с улыбкой отвечал Будда.— Недавно я прослышал, что ты творишь безобразия и уже не раз восставал против небесных чертогов. Откуда же ты явился, когда постиг Учение, и почему творишь подобные безобразия?

- На это Великий Мудрец ответил так:

Землей и небом порожденный,
С Горы цветов я и плодов,
Ученьем тайным просвещенный,
Я не жалел своих трудов.

Я Царь почтенный обезьяний,
И наконец бессмертным стал,
Мир человеческих страданий
Ничтожен для меня и мал.

В Пещере занавеси водной
Я знал одни свои дела,
Теперь волшебник я свободный,
Мне силы магия дала.

Я обучился превращенью,
Во все я превращаться смог,

Во мне — великое стремленье

Небесный захватить чертог.

О, разве должен непременно

Властитель прежний им владеть!

Земным правителям есть смена,

Черед уйти и умереть.

Сильнейшему — почет и слава,

И он уступит мне дворец.

Один герой имеет право

На первенство и на венец.

Выслушав все это, Будда холодно усмехнулся.

— Ведь ты всего лишь обезьяна, — молвил он. — Как же смеешь ты даже мыслить о том, чтобы захватить трон Нефритового императора? Он занимался самоусовершенствованием с самого раннего возраста, упорно работая над собой в течение тысячи семисот пятидесяти калп, а каждая калпа составляет сто двадцать девять тысяч шестьсот лет. Ты только подумай, сколько нужно времени, чтобы достичь столь глубокой мудрости! Как же ты, животное, впервые появившееся в мире в образе человека, осмеливаешься так бахвалиться?! Это недостойно сына человека. Я лишаю тебя долголетия. Смирись и больше не твори подобных глупостей. Если же ты совершишь еще какое-нибудь злодеяние, то немедленно заплатишься за это и умрешь. А на сей раз я буду снисходителен и сохраню тебе жизнь.

— Пусть даже он и начал свое самоусовершенствование с юных лет, — сказал Великий Мудрец, — но это вовсе не значит, что он должен оставаться здесь навсегда. Ведь не зря же существует поговорка: «Сегодня император он, а завтра — я». Прикажи ему убраться отсюда и уступить небесные чертоги мне. На этом мы и покончим. Если же он не согласится, я буду действовать, как и прежде, и в небесных чертогах никогда не наступит покой.

— Какими же волшебными силами, кроме умения превращаться, ты обладаешь, что осмеливаешься говорить о захвате небесных чертогов? — спросил Будда.

— О, я многое постиг, — отвечал Великий Мудрец. — Я обладаю способом семидесяти двух превращений. Мне известен секрет вечной юности и бессмертия. Я могу совершать прыжок на расстояние сто восемь тысяч ли. Отчего же мне не занять небесный трон?

— Ну, тогда давай заключим пари, — предложил Будда, — Если ты действительно обладаешь такими способностями, выпрыгни из ладони моей правой руки: сделаешь это — значит

выиграл; тогда можно будет прекратить эти ожесточенные сражения, и я попрошу Нефритового императора перебраться на жительство в Западную страну, а небесные чертоги уступить тебе. Если же ты не сможешь этого сделать, то в наказание должен будешь отправиться на землю и в течение многих калп находиться там. Лишь после этого ты сможешь оспаривать свое право.

«Да этот Будда — настоящий дурак,— подумал с усмешкой Великий Мудрец.— Я могу прыгнуть на сто восемь тысяч ли, а его ладонь не больше одного чи. Как же я не смогу выпрыгнуть из его ладони?».

— А сможешь ли ты выполнить то, что обещаешь?— поспешил спросить он.

— Конечно, смогу,— успокоил его Будда, и с этими словами вытянул вперед правую руку, раскрыв ладонь величиной с лист лотоса.

Великий Мудрец заложил свою палицу в ухо и, встряхнувшись всем телом, прыгнул как раз на середину ладони.

Затем, сотворив магическое заклинание, он устремился вперед и, как ему казалось, мчался словно луч света, проследить за полетом которого совершенно невозможно. А Будда, наблюдавший за ним оком разума, убедился в том, что стремительный полет Великого Мудреца подобен всего-навсего вращению колеса прядильного станка.

Между тем, стремясь вперед, Великий Мудрец вдруг увидел пять розовых столбов, вздымавшихся к небу.

«Ну, здесь — конец мира,— подумал он.— Сейчас я могу вернуться к Будде и, рассказав об этих столбах, требовать свой выигрыш. Трон в Зале священного небосвода отныне принадлежит мне. Однако, — продолжал он думать,— не мешает оставить здесь надпись. Так легче будет добиться у Будды выполнения заключенного пари».

И, выдернув у себя волосок, он дунул на него и приказал: «Изменяйся!» Тотчас же волосок превратился в кисточку, густо смоченную тушью. И вот на центральном столбе Великий Мудрей сделал такую надпись: «Это место посетил Великий Мудрец, равный небу».

Водворив кисть на прежнее место, он из озорства помочился у основания первого столба. Проделав все это, он совершил прыжок и, снова очутившись на ладони у Будды, сказал:

— Ну вот, я и побывал там, где нужно. Теперь можешь приказать Нефритовому императору

уступить мне небесные чертоги.

— Гнусная ты обезьяна! — выругался Будда.— Все это время ты оставался на моей ладони!

— Да ведь ты ничего не знаешь! — вскричал Великий Мудрец. — Я побывал на краю света, видел пять вздымающихся к небу столбов, цвета человеческого тела, и на одном из них сделал даже надпись. Если хочешь, то можешь вместе со мной отправиться туда и сам посмотреть.

— В этом нет никакой надобности,— промолвил Будда.— Ты лучше посмотри вниз.

Великий Мудрец широко раскрыл свои огненные глаза, посмотрел вниз и на среднем пальце руки Будды прочел надпись: «Это место посетил Великий Мудрец, равный небу». А между большим и указательным пальцами чувствовался запах мочи.

Все это так поразило Великого Мудреца, что он мог лишь воскликнуть:

— Невероятно! В чем же тут дело? Я сделал надпись на столбе, который вздымался к самому небу, как же она очутилась на пальце Будды?! Не иначе, как он применил какое-то волшебство! Я не верю, не верю! Отправлюсь-ка я туда еще разок и посмотрю, в чем дело!

О, драгоценный Мудрец! Только было собрался он совершить прыжок, как Будда неожиданно перевернул ладонь и вытолкнул Царя обезьян прямо к Западным воротам неба.

После этого он превратил пять своих пальцев в пять элементов: металл, дерево, воду, огонь и землю, а из этих пяти элементов сделал гору, состоящую из пяти пиков и с пятью вершинами и назвал ее Усиншань, что значит гора пяти элементов. Гора в момент накрыла Великого Мудреца.

Наблюдавшие эту сцену божества Грома, а также Ананда и Касьяпа не могли сдержать своего восторга и, сложив ладони рук, восклицали:

— Чудесно! Превосходно!

Когда-то под влиянием природы

Царь обезьян родился из яйца.

Усовершенствовать себя хотел он

И степени достигнуть мудреца.

Навеки, несмотря на все старанья,

Без измененья оставался он,

Теперь же пожелал он измениться,

Но был в беде бессильем поражен.

Хотел нарушить он законы неба

И захватить в небесном царстве власть,

Он обманул бесстыдно Лао-цзюня,

Чтоб эликсир бессмертия украсть.

Но чаша переполнилась терпенья,

И безнаказанным не будет зло,

Возможно ли отныне возрожденье,

Когда возмездье за грехи пришло.

Усмирив таким образом обезьяну-волшебника, Будда подозвал к себе Ананда и Касьяпу, чтобы вместе с ними вернуться в Земной рай на Запад. Но в этот момент к нему приблизились посланцы небесного императора, срочно прибывшие из Дворца священного небосвода, и, обращаясь к нему, сказали:

— Умоляем вас, великий Будда, обождать немного, сейчас сюда прибудет наш владыка.

Услышав это, Будда повернул голову и, взглянув вверх, вскоре увидел колесницу, покрытую сверкающим драгоценностями балдахином и разноцветными зонтами. В тот же миг слышались таинственные звуки священной музыки и пение псалмов. Наполняя все пространство чудесным ароматом, в воздухе летали священные цветы.

— Очень благодарен вам за то, что вы расправились с этим чудовищем,— молвил Нефритовый император, приблизившись к Будде.— Надеюсь, вы не откажетесь немного задержаться здесь. Я хочу пригласить всех бессмертных на пир, который устрою в вашу честь.

Будда не мог отказаться от приглашения и, сложив руки, поблагодарил.

— Я прибыл сюда по вашему вызову, великий император,— сказал он,— и этот скромный успех не следует считать моей личной заслугой. Просто это ваше счастье и победа всех небожителей, поэтому я вовсе недостоин вашей благодарности.

Тут Нефритовый император приказал божествам Грома отправиться в разные места и пригласить императоров трех небес, четырех цензоров, пять старейшин, шесть начальников департаментов, семь старейшин, восемь Духов всех сторон света, Духов девяти светил и десять начальников отделов во дворец императора, чтобы отблагодарить Будду за оказанную им милость. Затем он приказал четверем небесным военачальникам и небожителям-цам девятого неба раскрыть все дворцы и сокровищницы, дворцы Тай-сюань и Дун-ян-юй-гуань и пригласил Будду занять место на Троне семи драгоценностей. Для всех остальных были устроены сиденья соответственно чину и рангу. На столах среди множества яств можно было увидеть печень дракона и мозги феникса, сок яшмы и волшебные персики.

Вскоре на приглашение явились императоры трех небес, бессмертные четырех туманностей, Духи пяти созвездий, три даосских божества — неба, земли и воды, четыре божественных мудреца, Духи девяти светил, два помощника слева и справа, небесный принц Ночжа.

Кругом развевались флаги и знамена, несли балдахины и хоругви, Будде преподнесли сверкающий жемчуг и редкие драгоценности, плоды долголетия, редчайшие изумительные цветы и, почтительно кланяясь, говорили:

— Мы глубоко тронуты проявлением вашей необыкновенной силы, благодаря которой вам удалось усмирить волшебную обезьяну. И вот, пользуясь тем, что наш великий император устроил в честь вас пир, мы прибыли отблагодарить вас за оказанные милости и просим вас, священный Будда, особо отметить этот пир, присвоив ему соответствующее наименование. Выслушав небожителей, Будда отвечал:

— Я думаю, что сегодняшний пир следует назвать «Пиром успокоения неба».

Это предложение очень понравилось всем небожителям, и они в восторге стали хором восклицать:

— Чудесно! Прекрасно! Пусть этот пир называется Пиром успокоения неба!

Затем все расселись по своим местам, и кубки и чаши пошли по кругу. Звуки чудесной музыки, сопровождавшиеся боем барабана, разносились вокруг, наполняя воздух. Пир был поистине великолепен. Его воспели в стихах:

Пир из персиков сорван Царем обезьяньим вначале.

Но не менее праздничным шествием он заменен,

Колесницы сиянье волшебных камней излучали,

На ветру колыхались шелка драгоценных знамен.

В тихом воздухе лились святые мелодии песен,

С трелью яшмовых флейт образуя торжественный хор,

Аромат из курильниц взмывался, и чист и чудесен,

Поздравляли прибывшие мирно ликующий двор...

И вот в самом разгаре веселья на пиру появилась сама царица неба. Выступая словно пава в сопровождении небесных отроков, прекрасных девушек и изящных сановных дам, она, танцуя, подошла к Будде и, учтиво склонившись перед ним, произнесла:

— До этого наш Персиковый пир был нарушен волшебной обезьяной. И только благодаря вашей божественной силе вы смогли обуздать этого злостного упрямца. В честь вас устроен этот пир, Пир успокоения неба, но нет такой драгоценности, которой можно было бы достойно отблагодарить вас. Сегодня я своими собственными руками сорвала несколько больших персиков бессмертия, которые почтительно и преподношу вам.

И поистине об этих плодах можно сказать:

Полукрасные, полужелтые,

Источали они аромат,

И растили их тысячелетиями

Для небесных, бессмертных услад.

Эти персики лучше по качеству,

Чем плоды в заповедном раю:

Светло-желтая косточка в мякоти,

Источающей сладость свою.

В этих персиках тайна бессмертия,

Смерть она прогоняет навек;

Кто плодов долголетия отведал,

Тот уже не простой человек.

В ответ на эти слова Будда сложил ладони рук и, поклонившись, поблагодарил ее за подношение.

Затем царица подала знак, чтобы пришедшие с ней небесные отроки, девушки и сановные дамы продолжали пение и пляску. Присутствующие на пиру небожители пришли в восторг. Поистине об этом зрелище можно было сказать:

Туманное небо заполнилось все ароматом,
Цветы покрывали широкое это пространство,
Дворцы золотые блистали своей красотой,
И было чудесно небесного пира убранство.

Бессмертные гости, священные жители неба,
Сюда собрались, и теперь отдыхали блаженно;
Хоть тысячи бедствий они испытали когда-то,
Но все прожитое на небе забылось мгновенно
Когда же они вспоминали свои воплощенья,
То не было в них перед прошлым своим изумленья.

И вот, в самом разгаре пира, когда царица неба велела небесным отрокам и девушкам танцевать, а гости чокались бокалами, все вдруг почувствовали какой-то необычайный аромат. Созвездий духи, духи звезд молчат,

Необычайный чуя аромат;
Отставил Будда чашу в изумленье,
Все смотрят вверх, не будет ли явленья?
Меж небом и землею просияв,
Чудесный старец нес корзину трав,
А в тыкке нес Пилюли жизни вечной,
И сам он жил на свете бесконечно.
Таков ему судьбой был дан удел:
В пещерах жил свободно, как хотел;
Хранил он силу жизни в тыкке этой,
И много путешествовал по свету.
Он посетил немало разных стран,

Бывал на Персиковом пире пьян,
А протрезвившись замечал, бывало:
Луна, все та же, на небе сияла.
Длинноголов он был и длинноух,
Звезды бессмертья знаменитый дух.

Итак, на пир прибыл Дух звезды долголетия. Отдав полагающиеся почести Нефритовому императору, он затем принес глубокую благодарность Будде.

— Как только я услышал о том, что Лао-цзюнь увел волшебную обезьяну во дворец Тушита, чтобы расплавить ее в волшебной печи, я решил что, несомненно, воцарятся мир и спокойствие. Но, вопреки ожиданиям, обезьяне снова удалось ускользнуть невредимой. И вот, к нашему общему счастью, вам, великому Будде, удалось наконец усмирить это чудовище, за что все мы и приносим вам свою благодарность на этом пиру, устроенном в честь вас. Узнав об этом, я поспешил сюда. Не имея ничего более достойного, чтобы отблагодарить вас, осмелюсь преподнести вам этот фиолетовый ирис и драгоценные травы, лазоревый корень лотоса и эликсир жизни.

Корень лотоса лазурный
И пилюли жизни вечной
Подношу владыке Будде
С благодарностью сердечной.

Пусть покой благополучья
На земле отныне будет.
Воздадим и честь и славу
Побеждающему Будде.

Он владыка всех бессмертных,
Словно предок для вселенной,
Дар бессмертья получает
Муж бесстрастный, совершенный.

Изваянье Будды может
Облегчить людей страданье,

В милосердной власти Будды

Долголетия дарованье.

Будда с благодарностью принял подношение, после чего Дух звезды долголетия занял свое место. И снова по кругу пошли чаши и кубки, наполненные вином. Вскоре на пир прибыл Босоногий бессмертный. Отдав земные поклоны Нефритовому императору, он обратился с выражением благодарности к Будде.

— Разрешите и мне,— сказал он,— принести вам, великий Будда, низжайшую благодарность за усмирение волшебной обезьяны. Не имея ничего особенного, чтобы выразить вам свое уважение, я принес с собой лишь две груши и несколько красных фиников.

Пришел на пир в небесные чертоги

Великий и Бессмертный босоногий.

И Будде финики подносит он

И отдает почтительный поклон:

Незыблемым да будет над вселенной

Его престол, навек благословенный,

Святого Будды жизнь, как мир, вечна,

И счастлива поистине она,

Потоки счастья источая людям,

Хвалить его нелицемерно будем.

На западе его сияет царство —

Благополучно это государство.

Будда снова поблагодарил за принесенные ему дары и велел Ананде и Касьяпе собрать все подношения. После этого он еще раз поблагодарил Нефритового императора за роскошный пир. И вот, когда гости сильно захмелели, неожиданно появился один из небесных патрулей.

— Из-под горы показалась голова Великого Мудреца! — доложил он.

— Ну, это ничего не значит,— успокоил всех Будда и вытащил из рукава печать с надписью: «Ом мани падме хум». Передав печать Ананде, он велел ему поставить ее на вершине горы, под которой был заключен Великий Мудрец.

С печатью в руках Ананда вышел из небесных ворот и, достигнув горы Усиншань — пяти

элементов,— крепко-накрепко приложил печать к квадратному камню на вершине горы. В тот же миг все трещины у подножия горы исчезли, и осталось лишь отверстие для воздуха. Однако сквозь это отверстие нельзя было даже просунуть руку или хотя бы сделать попытку освободиться.

— Все сделано,— возвратившись, доложил Ананда.

После этого Будда распростился с Нефритовым императором и остальными небожителями и в сопровождении своих учеников вышел из ворот неба. Здесь Будда проявил свое милосердие и, произнеся заклинание, вызвал местного духа, которому приказал вместе со стражами пяти сторон света жить у горы и охранять ее. Если Великий Мудрец проголодается — давать ему железные пилюли, когда его станет мучить жажда — преподнести ему расплавленную ярь-медянку. «По окончании срока наказания сюда прибудет тот, кому предназначено освободить обезьяну»,— сказал Будда.

Обезьяну, что имела смелость

Выступить мятежно против неба,

Усмирил лишь всемогущий Будда,

И теперь она в неволе тяжкой.

Ей веками жажду утоляет

Лишь расплавленная ярь-медянка.

Если голодом она томится,

То одни железные пилюли

Подают ей для продленья жизни.

Так она переносила беды;

Как ни трудно было заключенье,

Жизнь свою она продлить хотела,

Чтоб зажить по-прежнему свободно,

Надо было ей, по слову Будды,

В путешествии святом на Запад

Танскому сопутствовать монаху.

Царь обезьян был полон дерзновенья,

Он изучил искусство превращенья,
Смирил драконов силой чудотворной,
Носил он даже важный чин придворный
И, сопричтенный всем небесным силам,
Разгуливал свободно по светилам.

Но, переполнив меру злодеяний,
Познал теперь он горечь испытаний.
Душой он был хорош, и без сомнений,
Ждал для себя счастливых изменений;

И верил, что закончатся напасти,
Что избежит он Будды грозной власти,
А Танского монаха появление
Подаст ему возможность избавленья.

Если вы хотите узнать, сколько длилось это наказание и в каком году и каком месяце кончился его срок, вы должны прочесть следующую главу.

<http://tl.rulate.ru/book/14623/286391>